

Корин Павел

Мир новостей - 1993 - 4 июля - с 48

ЖИВОПИСЬ

Русь от мира сего

Об этой работе Павла Корина издавна ходили легенды. Всем были известны его портреты Максима Горького, Кукрыниксов, маршала Жукова — суховатые, жесткие, необыкновенно похожие. Но, говорили вполголоса, истинный шедевр мастера — «Русь уходящая».

Те, кому довелось видеть этюды к так и не состоявшейся картине, утверждали: немного найдется в советском искусстве работ подобной силы. Позже «Русь уходящая» стала доступна зрителям, но ореол запретности остался. Была коринская «Русь» несозвучна сталинской эпохе, не очень-то пришлось ко двору и в последующие годы. Вот и сейчас: явились на Крымскую набережную поразительные по мощи — не этюды, законченные холсты с фигурами в рост, потеснили портреты (кстати сказать, за минувшие десятилетия не только не умалившиеся, но возросшие в своей художественной ценности) и задали загадку, смутили душу. Уж очень непохожа «Русь уходящая» на каноническую «святую Русь» русского искусства — с березками-свечками, сияющими от святости старцами, блаженными отроками, христовыми невестами не от мира сего...

Темная, грозная Русь Павла Корина — от мира сего. Крепко стоят на грешной русской земле мужики в рясах с жилистыми руками, с древними, домонгольскими славянскими лицами — удлинёнными, худыми, горбоносими. Иеромонах Федор — могучий аскет с тяжелым взглядом светлых волчьих глаз. Молодая жидкая бородка, огромные кисти рук... Такой отрок сам и срубил скит, сам и сожжет его и сам сторит в нем, не покорившись силе антихристовой. Отец Сергей Успенский весь черный, только белая борода мочалкой и бледно-восковое лицо, орлиный нос, орлиный взгляд — профиль Ивана Грозного. Вспомнишь шалыпинского Кудеяра-атамана, что «в монастырь пошел Богу и людям служить», поскольку «у разбойника лютого совесть Господь пробудил».

Три монахини: черной галкой игуменя со сморщенной ехидной мордочкой старой лисы и две молоденькие, то ли монашенки, то ли послушницы — сумасшедшие невидящие глаза, лихорадочные пятна румянца на щеках. Борют страсти... Протоиерей Михаил Холмогоров. Не покорински живописное, мерцающее соборным золотом одеяние — и те же восковые руки, то же худое горбоносое лицо, мертвенно-застывшее, до ужаса живое. В повести Гоголя «Портрет» художник сумел довести жизненность лица на портрете до такой иллюзорности, что душа портретируемого вселилась в созданную искусством «плоть» и явилась годы спустя герою повести. В жутковатой реальности полотен Корина воскресли, явились нам написанные с натуры в

1930 годах иеромонахи Пимен, Алексей, Антоний, схимигумен Митрофан, архимандрит отец Никита, схимница мать Серафима... Какова судьба этой не ушедшей — у б и т о й, сосланной, насильно расстриженной Руси? Чего ждут от нас эти лица, эти требовательные, жесткие глаза, какого покаяния? Не смирения, не всепрощения, не христианской любви — так чего же? Кровавого возмездия? Работы до седьмого пота? Фанатичная, могучая русская сила за долгие годы истории ввергала Россию и в расколы, и в бунты, и в дерзкое, отважное предпринимательство Демидовых, Морозовых, Петра Великого. Куда же толкаешь ты нас сейчас, «Русь уходящая», Русь возвратившаяся?

Мария ЧЕГОДАЕВА

4.07.93